

оси

МАССОВАЯ БИБЛИОТЕКА ГОСЛИТИЗДАТА

B 13.
22573

ВАНДА ВАСИЛЕВСКАЯ

УБИЙЦЫ ДЕТЕЙ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — 1942

ИГДА
35 П
КРАПЮСТИ

2.98-13.

Мать пела своему ребенку колыбельную песню. Пела украинские думки, заунывные русские мелодии, грустные белорусские мотивы. Ребенок спал в колыбельке. Любящие материнские глаза ласкали светловолосую или темноволосую головку. Материнские глаза радовались: малютка растет. Вот он выкарабкивается из колыбели, вот он ползает на четвереньках по хате, вот уже топочут маленькие ножки до порога и за порог.

И отец радуется. Малыш растет. Дельный из него выйдет человек.

— Кем он будет? — спрашивали материнские глаза.

В самом деле, кем будет малют-

**О Б Л А С Т Н А Я
Б И Б Л И О Т Е К А**

ка, лепечущий теперь на детском языке непонятные слова? Летчиком, инженером, врачом, стахановцем на большом заводе, передовиком-колхозником?

С заботой, с любовью смотрели родительские глаза на подраставшего ребенка. С заботой, с любовью смотрели на подраставшего ребенка глаза всех взрослых.

Для него, маленького, устраивали детские ясли, где в белых передниках хлопотали специально подготовленные воспитательницы. Для него, маленького, были светлые детские сады. Для него, маленького, строили школы. О нем заботился весь народ, заботилась советская власть. Чтобы дать ему радостное, счастливое детство. Чтобы рос он сильным, свободным человеком. Чтобы жизнь раскрывалась перед ним во всей своей привлекательности и красоте.

Окруженный любовью и заботами, воспитывался советский ребенок для новых, еще более светлых, еще более прекрасных дней.

Но вот пришел враг. Кровожадный преступник, не отступающий ни перед чем. Он утопил в крови, испепелил в огне пожаров счастливое детство советского ребенка.

На нашу землю напал не воинственный солдат, с оружием в руках идущий на вооруженного противника. В нашу страну вторгся дикий бешеный зверь, жаждущий крови изверг, насильник, убийца детей.

Угроза смерти нависала над советским ребенком везде, где слышался рокот мотора немецкого самолета, везде, куда ступала нога фашиста.

В нескончаемой, чудовищной истории немецких зверств во временно занятых советских областях

самыми мрачными являются страницы, повествующие о мучениях советских детей. Они навсегда останутся в памяти советского народа.

Немецкий летчик не высматривал из своего самолета ни военных складов, ни стратегических пунктов, ни движущихся войск. Для него было безразлично, что громить — он жаждал лишь убивать, жаждал сеять ужас и безысходность.

Когда из Львова шли поезда на восток, над железнодорожными путями снижались немецкие самолеты. Летчик хорошо видел, кого увозят поезда, отчетливо видел, кто скопляется на вокзалах в ожидании посадки. Видел женщин и детей, удалявшихся от линии фронта, уезжавших в глубь страны. Летчик направлял на них свой пулемет. Стрекочущая смерть

неожиданно обрушивалась на женщин, прижимавших к себе детей, на перепуганных малюток, прильнувших к материнской груди. Летчик целился в детские головки, сеял среди детей смерть. Нажимал рычаг, бомба падала на вагоны, в которых сидели женщины и дети. Вагоны загорались, в пламени гибли светловолосые и темноволосые головки.

Летчик рыскал над дорогами, высматривал жертву. Спускался низко, низко. Косил из пулемета убежавших по дорогам. На шоссе, на тропинки под Луцком, под Киевом, под Смоленском падали дети, дети, уходившие из родных мест, спасавшиеся от бомб. Дети погибали на дорогах Украины, Белоруссии, России, разорванные в куски бомбами, пронзенные очередью пулеметов.

Но все это было лишь прелюдией. Вторгшиеся на советскую землю

орды убийц вскоре во всей полноте показали свой злодейский облик.

Занимая деревни, фашисты выгоняли из хат жителей. Женщины с детьми вынуждены были уходить на тридцатиградусный мороз, на снег. Им не разрешали брать ни теплой одежды, ни еды. Не помогали просьбы, не помогали слезы. На все был один ответ: «Убирайтесь прочь!» А то и хуже: пуля в грудь.

В мороз шли по снегу бездомные люди с детьми на руках. Куда деваться, где найти приют? В теплых хатах засели немцы, резали коров, стряпали себе пищу. В мороз шли по снегу женщины с детьми на руках — шли, куда глаза глядят. Грудные дети замерзали на руках у матерей, замертво падали малютки, бежавшие рядом с ними. Нехватало сил вырыть могилку в мерзлой земле — не вы-

скребешь ее ногтями, не согреешь самыми горячими слезами. Снег прикрывал маленькие трупы, смотревшие в морозное небо широко раскрытыми, полными детского изумления, глазами. На дорогах Украины, Белоруссии, России — везде, куда удалось проникнуть захватчикам, выростали вдоль дорог и тропинок маленькие холмики — детские могилки.

Немцы отбирали хаты. Отбирали одежду, отбирали продовольствие. Десятки тысяч людей на Украине, в Белоруссии, в западных частях России были обречены на голодную смерть. В первую очередь умирали дети. Угасали на глазах, на висках выступали голубые жилки, ручки и ножки становились вялыми и тонкими, лица — прозрачными. Они тихо угасали с немым вопросом в глазах: «Почему все это? За что?»

Но убийца не довольствовался тем, что по его вине гибли дети. Он не шел с ними по дорогам, не видел, как они замерзали в снегу, как умирали от голода. А убийцу тянет насладиться видом крови, ему доставляют радость судороги агонии, он торжествует, глядя на порождаемый им ужас.

И фашистский убийца стократ погружал руки в крови советского ребенка. Стократ упивался его страхом, его растерянностью, его страданиями и муками. Тешился болью и горем матери, отца, вынужденных смотреть, как гибнут их малютки.

До неистовства, до полного остервенения доходят немцы в тех местностях, откуда им приходится отступать. Когда они видели, что не удержатся, что отряды Красной Армии наносят им жестокое поражение они в последнюю ми-

нугу мстили жителям, прсвосходя своим разнузданным изуверством все, что знала до этого времени история.

Отряды Красной Армии, победоносно продвигающиеся на запад, освобождают одни за другими города и села, и перед глазами красноармейцев открываются картины фашистских преступлений. По пути истязаний и пожарищ приходится итти красноармейцам на запад.

В деревне Спас-Помазкино немцы, чувствуя, что им не удержать своих позиций, что они вынуждены будут отдать захваченные местности наступающей Красной Армии, начали по обыкновению поджигать хаты. Жители выбегали из пылающих домов. Из одного дома выскочила женщина с младенцем на руках. За нею бежали еще трое: десятилетняя девочка, трехлетний и шестилетний мальчуганы.

Немецкие солдаты увидели убежавшую семью. Меткий выстрел — и женщина упала в снег. Десятилетняя Зоя выхватила малютку из рук убитой матери и побежала дальше. С гоготом, с насмешками, с улюлюканием следили фашисты, как бегут по снегу дети. Как Зоя с трудом несет младенца, как трехлетний братишка хватается за ее платье, как изо всех сил старается поспеть за ними шестилетний. Переждали некоторое время. И снова выстрел. Обливаясь кровью, упал шестилетний. Это не задержало оставшихся в живых. Еще один выстрел — затих пронзительный крик хватающегося за юбку сестренки трехлетнего мальчонки. На последнем выстреле немец промахнулся — Зоя успела свернуть в сторону. Она мчалась вперед, невменяемая, ошалелая от ужаса. Платок свалился с головы, ледя-

ной ветер хлестал в лицо. Она не чувствовала холода, не понимала, что немецкие солдаты остались далеко позади. Знала одно — за нею гонится неумолимая, страшная смерть, в течение трех минут унесшая ее мать и двух братьев. Надо какую бы то ни было ценою спасти то единственное, что осталось — младшенького мальчика, любимца всей семьи. Она не чувствовала, не знала, что несет на руках под шалью лишь трупик. Холод, ветер убили малютку.

Красноармейцы подобрали ее, лишившуюся сознания, с обмороженными ручками и ножками, — она прижимала к сердцу замерзшее дитя.

Когда немцы поджигали деревню Мясоедово, женщина вынесла из хаты двоих детей. Закутав малютку в платок, она положила их возле дома, а сама бросилась спа-

сать из пламени третьего ребенка. В это время по деревенской улице проходили два немца. Увидели лежавших возле дома детей. Неподалеку протекала река. Толстый слой льда покрывал воду, но хищные глаза фашистов усмотрели прорубь. Они схватили детей и бросили их в зиявшее во льду отверстие. Плеснулись и исчезли маленькие тельца, вода поглотила их. И прокатился над полями хохот — дикий, разнузданный хохот убийц, радующихся своему преступлению — смерти двоих детей, отчаянию матери, которая выбежит из горящего дома и не найдет своих малюток.

В деревне Плоское немцы истребили семью колхозника Печеерова. Немецкий офицер застрелил его жену Ольгу. Женщина прижимала к груди младенца. Быть может офицер пожалел пули, или применен-

ный им способ убийства доставлял ему большее удовольствие, но он выхватил кинжал — серебристый, щегольской кинжал — и вонзил его в тело малютки.

Нет такой смерти, которую немцы постеснялись бы применить к своим малолетним врагам — советским детям.

Когда в деревне Ксты, Калининской области, немецкие палачи услышали выстрелы советской артиллерии, они приступили к дикой расправе. Из всего населения деревушки в живых осталась лишь одна женщина, старая колхозница, которую изверги приняли за мертвую, когда она лишилась чувств. Остальные обитатели деревушки погибли мучительной смертью. Мучительной смертью погибли и все дети.

Немцы врывались в избы и дикими криками выгоняли жителей, приказывая немедленно отпра-

вляться на собрание. Собрание должно было происходить в сарае на краю деревни.

Женщины чувствовали, что ничего хорошего их не ждет. Но направленные в них штыки не допускали возражений — надо было идти туда, куда приказывали фашистские палачи.

Когда все очутились в указанном месте, изверги потребовали, чтобы женщины с грудными детьми на руках вышли вперед. Беззащитные женщины, стояли, дрожа от страха и холода, ожидая, что с ними будет. Ждать пришлось недолго. Солдатские руки протянулись к младенцам. Их вырвали из материнских объятий. Женщины были вынуждены смотреть, как разъяренные фашисты убивали прикладами их малюток. Маленькие головки лопались под ударами прикладов, кровь заливала личи-

ки. Некоторое время убийцы упивались отчаянными криками матерей, затем выстрелы из винтовок положили предел и их жизни.

Колхозницу Гараеву пригнали к сараю с грудным младенцем на руках, с двумя малютками, цеплявшимися за ее платье. Дети кричали и плакали. Гараева осмелилась заговорить. Любовь к детям превозмогла страх. Она знала, что ей придется умереть, но ей казалось, что быть может у окружающих ее убийц найдется в сердце хоть искра жалости — что они оставят в живых детей. Напрасно она умоляла об этом. Фашист вырвал из ее рук младенца и, схватив за ножки, раздробил ему голову о столб.

Когда после многочасового боя отряды генерала Акименко заняли колхоз имени Димитрова, когда еще гремели выстрелы и немцы поспешно уходили на запад, к нашим

79852

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
17
БИБЛИОТЕКА

бойцам выбежали колхозницы. Они держали на руках трупы своих детей — головы их были размозжены ударами о стволы деревьев, о мерзлую землю. Такую память оставили после себя уходившие гитлеровцы.

В деревне Комсомольск немцы, истребляя население, схватили четверых детей — старшему из них было четыре года — и заперли их в погребе одного из домов. Дом подожгли. Дети погибли в пламени.

В длинных списках расстрелянных в местностях, откуда наша армия выгнала немецких бандитов, значатся фамилии не только малолетних, но и грудных детей. В деревне Самсоновка среди десятков расстрелянных, в акте, составленном жителями и политруком отряда, занявшего деревню, имеется лаконическая запись: «В числе других расстреляны Синяев Витя

четырёх лет, Синяева Валя семи месяцев, Васкевич Володя пяти лет».

В деревне Лоскутовка немцы решили использовать детей для своих надобностей. Согнали малышей в дом, в котором гитлеровцы устроили санитарный пункт. Обнажили ручки советским детям — детям ограбленных, расстрелянных, повешенных колхозников. Врач брал у них кровь для переливания раненым немцам. Колхозные дети своей кровью спасали жизнь бандитам. Но не спасли своей. У них взяли кровь, личики детей побледнели от истощения — никто, понятно, не позаботился о том, чтобы сохранить жизнь маленьким донорам. И детям за спасительную их кровь заплатили смертью.

У двухлетней Нади Кузьминой четыре раза брали кровь для переливания немецким солдатам. Но этого было недостаточно преступ-

нику, позорящему звание врача. Для пересадки ткани на раны гитлеровцев он вырезал из тела несчастной маленькой жертвы десять кусков кожи.

В деревне Лимовое немцы согнали женщин, стариков и детей в погреба двух домов и забросали гранатами. Среди убитых, раненых, которых удалось спасти, было шестеро детей.

Без конца, без предела можно продолжать этот потрясающий список немецких злодеяний. С каждой освобожденной деревней, с каждым освобожденным городом прибавляются все новые подробности. На украинской, белорусской, русской земле сотни детей пали жертвами преступников.

Мы знаем, каковы были предшествующие войны. Знаем, что на войне гибнут люди. Но бандиты в зелено-серых мундирах впервые

показали нам войну, в которой борются с детьми и с грудными младенцами. Среди документов, свидетельствующих о немецких бесчинствах в освобожденных местностях, потрясают фотографии замученных, убитых малюток. На снегу лежат обнаженные трупы. Одежда сорвана с них—они ограблены. Широко раскинуты ручки, ножки, маленькие кулачки сжаты в предсмертной судороге. На личиках застыло выражение испуга, боли, невыразимого ужаса. Этим детям суждено было увидеть самую чудовищную сторону жизни. Они ни в чем не разбирались, ничего не понимали. Им выпало на долю стать жертвами гитлеровских злодеяний.

Красноармейцы идут на запад. На улицах городов и сел они находят трупы замученных жителей. У груди убитых женщин — мерт-

вые младенцы. Трупы детей гниют в колодцах. Трупы детей свалены в кучи в закоулках, в сараях. Мертвые дети брошены в хатах.

Гнев и ненависть растут в сердцах. У каждого бойца есть где-нибудь сестренка, братишка, сын, дочка. Каждый думает об оставленной дома семье по ту или другую сторону фронта. Но если даже у красноармейца нет никого из близких — он любит детей, как любит их всякий советский человек.

Рука матери, отца не поднималась, чтобы шлепнуть непослушное дитя. И нашлись люди, с холодной жестокостью, с безудержным садизмом, со звериным самодовольством убивающие любимых, здоровых, радостно и счастливо росших детей.

Красноармейцы идут на запад — и клянутся беспощадно мстить

убийцам советских детей Клянутся не поддаваться жалости к дикому зверю, не останавливаемому перед тем, до чего не доходили даже полчища варваров, много веков назад совершавших набеги на Европу.

Отряды мстителей идут на запад. За каждого замученного украинского, белорусского, русского ребенка падут сотни фашистов. За каждую каплю крови украинского, белорусского, русского ребенка прольются потоки немецкой крови.

Но вся кровь оккупантов не в состоянии смыть этого пятна с деяний гитлеровских преступников, смерть всех оккупантов не ослабит в нас память о мучениях советского ребенка. Село за селом, город за городом очищают наши войска от фашистской нечисти. В каждом городе, в каждом селе красноармейцы встречают следы

немецких преступлений — трупы убитых детей. На армию оккупантов падает ответственность не только за тех малюток, которых немцы застрелили, закололи кинжалами, бросили в колодцы, чьи головки они размозжили прикладами. Фашисты ответят и за всех тех, которые умерли от голода на ограбленных, залитых кровью украинских, белорусских землях. За всех тех, которые замерзли без крова над головой в сожженных, разрушенных бомбардировкой местностях.

В больницах Советского Союза в светлых палатах лежат дети, которым удалось вырваться живыми из рук немецких злодеев. Врач осматривает их раны, лечит обмороженные ручки и ножки. В детских домах окружают нежной заботливостью тех, которых преступные руки фашистов лишили

родителей. Сотни сирот нашли семьи, где им заменят отца и мать.

Маленькую Зою вылечат. Для нее будет семьей весь Советский Союз. Но сотрется ли когда-нибудь в ее памяти страшный день, в несколько мгновений лишивший ее матери и братьев, забудется ли смертельный ужас, который гнал ее, обезумевшую от ужаса, по деревенской улице с замерзающим братишкой на руках? Кто из этих детей, чудом уцелевших от злодейских рук немцев, забудет треск горячей над головой крыши, раскачиваемые ветром на виселице тела матерей и отцов, с грохотом разрывающиеся в их домах гранаты — весь ад, который они пережили? Навсегда отнято у них радостное детство, его беззаботность. Сердца их ранены пережитым горем, переживаниями, пре-

восходящими меру человеческих сил.

Хлынувшие на нас дикие орды намеревались ограбить нашу землю, истребить наш народ. Истребить до остатка. Никакая фантазия не придумает того, на что способны немцы, что делают они на наших землях. Их уже постигла кровавая расплата. Но этого мало. Ни один, ни один из тех, который обогрил руки в крови наших детей, не должен уйти живым!

Пусть у каждого из нас гонит сон с век образ маленькой Зои, бежавшей под немецкими выстрелами с замерзающим братишкой на руках! Пусть гонит наш сон, пусть вытравляет у нас покой из сердца воспоминание о посиневших личиках младенцев, утопленных в прорубях и колодцах! Пусть неотступно стоят перед нашими глазами воспоминания о застре-

ленных, разможенных светловолосых и темноволосых детских головках!

За поруганную любовь, какой советский человек окружал ребенка, воздать врагу равной мерой ненависти! За уничтожение плодов забот и труда, какие советский человек вложил в то, чтобы дать малюткам радостное, счастливое детство, отплатить врагу, — чтобы он проклял минуту, когда мать произвела его на свет!

Идущие на запад красноармейцы не забывают о наших загубленных детях. Они возмещают врагу за все. И никто из нас не должен забывать об этом!

Ты склоняешься над колыбелью своего ребенка, женщина из далекого города, из далекой от фронта деревни нашей родины. Помни: сотни таких детей, как твой, так же любимых, как твой, погибли страш-

ной смертью от рук немцев. За твое дитя, за безопасность его светловолосой или темноволосой головки, борется красноармеец на фронте. Его штык преграждает путь к далекой колыбели твоего ребенка, его винтовка охраняет сон твоего ребенка.

Ты работаешь на заводе в далеком городе нашей родины. Приходишь домой, где тебя встречает радостный лепет твоих детей. Помни: сотни таких детей, как твой ребенок, погибли мученической смертью от рук фашистов. За твоих детей, за их смех, за их существование борется красноармеец на фронте. Ему ты обязана тем, что твои дети могут спокойно встречать тебя, когда ты возвращаешься с работы.

Всю свою любовь ты обязана отдать им, бесстрашным героям, сражающимся с врагом. Весь свой

труд, все заботы сосредоточить на том, чтобы помочь им. Чтобы они могли отомстить за тех, которых уже нет в живых, спасти тех, которые ждут освобождения.

И всю свою ненависть ты должна направить против врага, который хотел превратить нашу родину в развалины, в пожарища и замучить твоих детей так, как он замучил сотни их в захваченных районах.

Женщина, мужчина — колхозник, рабочий, учитель, советский гражданин, где бы ты ни проживал, на каком бы посту ни находился — не забывай о них — о наших убитых детях!

И ты, боец Красной Армии... Нет, тебе не надо говорить, чтобы ты помнил! Ты идешь по кровавому следу врага, видишь трупы убитых, разрушенные школы, сожженные детские ясли и сады. Ты

не забудешь о них ни на одно мгновение! Отомстишь за всех — за каждую каплю детской крови выпустишь море черной крови из сердца убийцы детей — немецкого оккупанта!

**ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

Редактор *А. Мясников.*

Подписано к печати 12/V 1942 г. ЕО. 16907
1 печ. л. 0,5 уч.-авт. л. Тираж 500000.
Цена 10 коп.

Типография им. Мяги треста «Полиграфкнига»,
ОГИЗ, гор. Куйбышев, улица Венцека, 60.
Заказ № 521.

11. 52 f.

56

10 коп.

82